

УДК 808.1(045)

Галина Швец

ПСЕВДОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СЕМИОЗИСА: К ПРОБЛЕМЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Актуальность темы исследования обусловлена интеграционными процессами в сфере гуманитарного знания, которые характеризуют современные тенденции в развитии самых различных сфер, ранее разделенных методологическими, а иногда и идеологическими перегородками. В русле современной культурологии многие понятия и категории, относящиеся порой к самым различным «ведомствам», оказываются связанными как ценностно, так и генетически.

Явление псевдонимии, с нашей точки зрения, при кажущейся второстепенности, если не маргинальности, может дать богатый материал для укрепления междисциплинарных связей и открыть интересные перспективы для прояснения глубинных процессов становления, эволюции и упразднения тех или иных культурных практик человечества на разных этапах его развития: «Наука о псевдонимах, которую можно назвать псевдонимикой (т. е. наукой о ложных именах), имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: она равно близка лингвистике и литературоведению. Задача библиографов - определять принадлежность псевдонима тому или иному лицу (атрибуция), составлять словари псевдонимов; задача литературоведов — объяснять происхождение псевдонимов, вскрывать причины обращения человека к вымышленному имени; лингвисты должны изучать способы образования и семантику псевдонимов» [1, с. 3].

Вместе с тем, мы должны констатировать, что неустранимой доминантой в изучении псевдонимии был и остается автор (образ автора): «Художественный псевдоним является специфическим элементом текста, связанным с важнейшей текстообразующей категорией – образом автора. Особая позиция в тексте (инициальная или финальная), факультативность употребления делают псевдоним эстетически значимым компонентом и предопределяют его специфическую функцию объединения языковых интенций художественного текста» [2, с. 3].

При этом главным вопросом, с которого начинается любой серьезный разговор о псевдонимии, является вопрос о причинах, побудивших автора обратиться к псевдониму или же вообще скрыть свое имя за анонимом: «Псевдонимизация могла производиться по самым разным причинам от желания избежать цензурных гонений до мистификации или более адекватной самоидентификации. В соответствии с этими причинами находятся и функции поэтических псевдонимов. Одной из важнейших, доминирующих над другими функций иноязычных псевдонимов в поэзии выступает функция создания образа автора – неповторимого, оригинального, богатого ассоциациями, а также внешне яркого, а потому запоминающегося» [3].

Сходной точки зрения придерживается известный исследователь псевдонимии, Ю. И. Масанов: «Анонимность возникла по ряду причин, из которых важнейшие следующие. Произведения народной словесности малых жанров ... не сохраняли имена своих создателей ни в момент своего возникновения, ни позднее, когда их стали записывать; они по природе, так сказать, анонимны. Произведения, созданные уже в период возникновения понятий «автор» и «литературная собственность», могли утратить имя своего творца и потому, что последний имел на то личные основания, как, например, скромность, опасения религиозных и политических преследований, нежелание считаться сочинителем несерьезных произведений, недооценка или даже пренебрежение к литературному творчеству» [4, с. 18].

Можно заметить, что общей тенденцией в процитированных научных работах является указание на использование псевдонима. Иными словами, в центре внимания ученых оказываются едва ли не исключительно внешние причины. Представляется, что и объяснения увлечения псевдонимами литературной игрой, мистификацией и пр. также следует отнести к обстоятельствам, не имеющим тесного отношения к собственно литературному развитию. Все эти причины вполне доступны пониманию и объяснению с точки зрения самого пишущего и выбирающего себе соответствующий псевдоним.

С нашей точки зрения, следует попытаться понять глубинные причины псевдонимизации, коренящиеся в логике становления литературы как общественно значимой культурной практики. Мы полагаем, что одним из критериев адекватности объяснения генезиса псевдонимии является недоступность искомых причин сознанию авторов, пишущих под псевдонимами. Только в том случае, если нам удастся вскрыть, так сказать, бессознательные мотивы псевдонимии, можно будет говорить о научной достоверности наших выводов. Таким образом, в центре нашего внимания в данной статье будет прояснение собственно литературных обстоятельств, благодаря которым такое использование оказалось возможным.

Статья посвящена анализу феномена псевдонимизации с точки зрения обусловленности этого феномена собственно эстетическими причинами. С этой целью предпринят обзор того периода истории русской литературы, когда актуальность данного феномена не вызвала сомнений. Явление псевдонимии исследуется в связи с другим значимым феноменом литературной практики: подставным авторством.

Не требует долгих доказательств тот факт, что псевдонимы зачастую, а, быть может, и главным образом, использовались писателями тогда, когда никаких серьезных причин опасаться религиозного и т. п. преследования у них не было, как не было и серьезных причин опасаться цензурных «рогатов», тем более, что вряд ли можно приписывать высокообразованным людям намерение обойти цензуру с помощью вымышленного имени. Речь идет об обстоятельствах развития историко-литературного процесса, в силу которых

произошло, в частности, в русской литературе 30-х годов XIX века, т. н. «восстание псевдонимов» [5, с.123 – 128].

Именно этот период русской литературной истории станет для нас главным объектом рассмотрения в данной статье. Особый интерес этот период литературного развития представляет в свете нашей проблематики феномен подставного авторства. Как будет показано ниже, исследователи практически не различают подставного автора и псевдоним. Приведем в подтверждение нашего тезиса цитату из работы авторитетного библиографа: «Цикл повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», отдельные произведения которого общими стиливыми чертами, печатается им от имени Рудого Панька.... В. Ф. Одоевский отдает авторство своей книги «Пестрые сказки с красным словом» магистру философии и члену ученых обществ Иринею Петровичу Гомозейко... Выходят в свет в это же время и замечательные «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» [5, с. 123 – 124].

Нам представляется, что в данном вопросе необходимо предпринять теоретические усилия, направленные на точное разграничение терминов. Подставное авторство и псевдонимия – очевидно различные понятия, однако, несомненна и взаимосвязь между ними. В отношении подставного авторства, если говорить о причинах обращения известных литераторов к той или иной литературной маске, вряд ли уместен аргумент, согласно которому такое обращение объясняется цензурными и пр. соображениями. Натянутость такого рода объяснений в данном случае кажется нам бесспорной. В чем же тогда искомая причина? Нам представляется, что ответ на причины псевдонимизации в эстетическом отношении имеет смысл предварить разъяснением феномена подставного авторства.

Рассмотрим фрагмент одной из «Повестей... Белкина», одного из самых примечательных произведений того времени, в котором фигурирует подставной автор: «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутивными, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу» [6, с. 81].

Шекспировская реминисценция, появляющаяся в этом месте повести «Гробовщик», первой повести цикла и, между прочим, вообще – первого законченного произведения Пушкина в прозе, ставит исследователя перед вопросом: кому следует вменить литературную эрудицию, проявленную в этом эпизоде повествователем? Автору или подставному лицу, собирателю рассказов – И. П. Белкину, точнее, приказчику, от которого Белкин «услышал» историю Адрияна Прохорова? Важность этого вопроса становится тем более ощутимой, чем настоятельнее стоит вопрос о смысле повести как таковой, об инициаторе завершения художественной целостности. Если верны

утверждения литературоведов о том, что повести нельзя читать без учета фигуры Белкина, то необходимость в определении меры и способа, формы участия подставного автора в формировании смысла произведения выходит на первый план.

Приведем еще два примера из произведений того же периода «восстания псевдонимов».

«И так узнайте мой недостаток, моё злополучие, вечное пятно моей фамилии, как говорила покойная бабушка, — я, почтенный читатель, — я из учёных; т. е., к несчастью, не из тех учёных, о которых говорил Паскаль, что они ничего не читают, пишут мало и ползают много, — нет! я просто пустой учёный, т. е. знаю все возможные языки: живые, мёртвые и полумёртвые; знаю все науки, которые преподаются и не преподаются на всех Европейских кафедрах; могу спорить о всех предметах, мне известных и неизвестных; а пуще всего люблю себе ломать голову над началом вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами» [7, с. 25].

«Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасечника Рудого Панька... Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке... Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове» [8, с. 104].

Автохарактеристики подставных авторов настойчиво подчеркивают их отличие от авторов реальных. Однако самым примечательным в контексте нашей работы обстоятельством является то, что своеобразие авторской «физиономии» этим и ограничивается – она вполне проявляется только в предисловии: у Одоевского и Гоголя непосредственно в речах подставного автор, повести Пушкина: в описании Белкина – его «издателем». В повествовании нет никаких более или менее внятных маркеров, стилистических помет, благодаря которым читатель мог бы с уверенностью, как это бывает в случае сказа, атрибутировать повествование подставному автору. Мы не находим никаких «следов» Белкина, Гомозейки или Рудого Панька непосредственно в текстах приписываемых им произведений. Можно с полной уверенностью утверждать, что такого рода стилизация и не входила в намерения писателей.

Общей характеристикой повествования во всех трех случаях является дистанция между рассказыванием и инициатором этого рассказывания. Более того, наличие между подставным автором и его рассказом еще нескольких инстанций», претендующих на авторство, лишает читателя всяких оснований для того, чтобы с уверенностью атрибутировать текст тому или иному представителю авторского «коллектива». Именно эта неопределенность и оказывается, с нашей точки зрения, единственным свойством текста, снабженного подставным автором. Подчеркнем, что в данном случае речь, с нашей точки зрения, не может идти о псевдониме в том смысле этого слова,

который оно получает в случае умышленного сокрытия подлинного имени автора в тех или иных целях.

С учетом того, что в данных случаях фигура настоящего автора ни у кого не вызвала сомнений, то причины появления фигуры подставного автора представляются имеющими исключительно внутрилитературный характер. Коль скоро не приходится говорить о стилистическом оформлении дистанции между повествованием и подлинным автором, приходится констатировать эстетический смысл этой дистанции как таковой. Ее единственной функцией является, судя по всему, удержание невозможности атрибуции текста. Стало быть, положительный смысл этой невозможности и следует считать причиной появления подставного автора.

Обратим внимание, что у Пушкина предметом авторской рефлексии стали персонажи Шекспира и Вальтера Скотта, у Одоевского – сам рассказчик, Ириной Гомозейко, у Гоголя – так сказать, информанты, то есть, «вторая очередь» рассказчиков, по отношению к которым сам Рудый Панько выступает собирателем скорее, чем соавтором. Исходя из этих соображений, можно сделать вывод, что предметом рефлексии в каждом конкретном случае выступает та или иная повествовательная тенденция, существование которой можно связывать с действительностью, актуальностью более или менее авторитетного канона. В «Гробовщике» – это традиции английской романтической литературы, в предисловии к «Пестрым сказкам» – французская моралистика, в уведомлении Рудого Панька – украинский фольклор.

Представляется, что в этих рефлексиях сказывается общезначимая тенденция становления литературного сознания в русской литературе первой половины XIX века. Суть этой тенденции состоит в том, что русская литература переживала период, так сказать, первичной саморефлексии. Тогда как западная литература располагала уже достаточно развитой жанровой системой, опиравшейся в своих истоках на древнюю литературу и фольклор, русские литераторы были вынуждены ориентироваться на западные образцы, не имея собственного ресурса жанровой дифференциации. В этой связи можно вспомнить сетование А. С. Пушкина на «одинокость» «Слова о полку Игореве»: «... «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [9, с. 210].

Специфика ситуации состояла в том, что ориентация на образцы сопровождалась сознанием недолжности подражания, рабского следования, бесплодного повторения. Русский писатель, можно сказать, боялся упрека во вторичности – притом, что полностью избежать этой вторичности было весьма затруднительно. Обращение к подставным авторам, с приложением их выразительных портретов и подробных биографий, в значительной мере объясняется, по нашему мнению, так сказать, болезнью роста авторского самосознания – уже чувствующего обесценивание подражания, но, в то же время, начинающего считаться с законами жанра. В «форме» подставного автора в русскую литературу проникает жанровое мышление как неперемный

компонент розвиваючого літературного професіоналізму. Проникає, на перших порах, в отрицательном виде, как самоотстранение от собственного произведения. Но именно это самоотстранение и способствовало выделению литературы из ряда словесных практик как самостоятельного явления, со своими собственными законами и требованиями. Осуществляемое с «помощью» подставного автора самоотстранение приводило к тому, что любой упрек в подражательстве или копировании по невежеству, мог быть переадресован подставному автору или его «информанту», и, соответственно, собственно авторская позиция представлялась – в таком аспекте – безусловно выигрышной.

Как представляется, именно такими, достаточно прозрачными мотивами могли руководствоваться писатели периода «восстания псевдонимов», прибегая к разнообразным литературным маскам. Вместе с тем, это же событие имело, независимо от намерений инициаторов и их сознательных мотивов, и другие, объективные последствия. Введение в текст повествования – в предисловиях и пр. – вымышленных рассказчиков-персонажей фактически совпадало с «выведением» за пределы изображаемых событий фигуры, к этому времени еще не нашедшей определенного места в общественной иерархии – профессионального писателя. Соответственно, вставляли проблемы авторского права и литературной собственности, но эти проблемы выходят за пределы обсуждения в данной статье. Однако мы считаем возможным предположить, что становление культуры псевдонима в узком смысле слова – как полноценной замены подлинного имени автора не в целях банальной маскировки под каким бы то ни было предлогом, а силу одного из факторов собственно литературного развития, имеет неперемным основанием – и логическим, и историческим – культуру подставного авторства. Только в результате укоренения практики подставного (или – псевдоанонимного) авторства (а это укоренение, мы настаиваем, имело исключительно внутрилитературные причины) могло развиться представление о собственности на текст как таковой. Иными словами, отречение от авторства, как мы стремились показать, совпадало с самоутверждением себя как оригинального автора, что равносильно притязанию на авторские права. Соответственно, отречение от собственного имени представляет собой своеобразный акт самопожертвования в профессию писателя. Избрание себе псевдонима, практикуемое подавляющим большинством писателей и поэтов, как бы завершает становление авторского сознания именно как авторского.

Выводы, к которым мы пришли в результате нашего исследования, можно представить в следующем виде.

Основной причиной, обусловившей специфический феномен русской прозы 30-х годов XIX века – «восстание псевдонимов» – стала историко-литературная коллизия, связанная с конфликтом индивидуального авторского сознания и литературной нормы-образца, преднаходимого литераторами как в народной поэзии – фольклоре, так и в образцах зарубежной литературы.

Потребность в псевдониме, как это ни парадоксально, свидетельствует не о стремлении отречься от авторства, а, наоборот, о желании защитить его оригинальность и утвердить собственные права на него. Это желание получает выражение в феномене подставного авторства, рассмотренного нами на примере произведений русской литературы 30-х годов XIX века.

Мы утверждаем, что явлению псевдонимии, по крайней мере, в нашем конкретном случае, предшествовало явление подставного авторства, имевшее собственно литературные истоки, связанное с формированием нового литературного мышления, неотъемлемым компонентом которого стала саморефлексия. Псевдонимия в узком смысле слова также имеет неутилитарное происхождение, а является завершением процесса авторской рефлексии, совпадающим с оформлением социальной и культурной обособленности профессии писателя.

Такой подход предполагает изучение псевдонимии не как подраздела библиографической дисциплины, и даже не в пределах историко-литературной фактологии, а как значимый стилистический компонент текста, если и не влияющий непосредственно на формирование читательского восприятия произведения, то позволяющий исследователям получить дополнительный и весьма показательный историко-литературный, имеющий отношение к объективным процессам становления литературного самосознания эпохи.

Литература

1. Мочалкина К. С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10. 02. 01/ К. С. Мочалкина. – Волгоградский ун-т. – Волгоград, 2004. – 20 с.
2. Петрова О. В. Особливості номінації в псевдонімії німецької та української мов: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.17 / Щ. В. Петрова. – Донецький національний ун-т. — Донецьк, 2005. — 20 с.
3. Николаев С. Иноязычный псевдоним в русской поэзии: смысл, назначение, функции/<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=825&level1=main&level2=articles9>.
4. Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок / Ю. И. Масанов. – М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1963. – 320 с.
5. Пушкин А. С. Гробовщик / А. С. Пушкин Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. – Т. 6. Художественная проза. —1978. — С. 81 – 87. — (Повести покойного Ивана Петровича Белкина).
6. Одоевский В. Ф. Пёстрые сказки; Сказки дедушки Иринея / В. Ф. Одоевский. – М.: Худож. лит., 1993. — С. 23 –104.
7. Гоголь Н. В. Предисловие [Вечера на хуторе близ Диканьки. Часть первая] / Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937 –1952. – Т. 1.

Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки / Ред. М. К. Клеман. — 1940. — С. 103–109.

8. Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской / А. С. Пушкин Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977—1979. — Т. 7. Критика и публицистика. — 1978. — С. 210–215.

9. Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя / В. Г. Дмитриев. — М.: Наука, 1977. — 314 с.

ПСЕВДОНИМІЯ У КОНТЕКСТІ ЕСТЕТИЧНОГО СЕМІОЗИСУ: ДО ПРОБЛЕМИ «ЛІТЕРАТУРНОЇ ВЛАСНОСТІ»

Швець Галина Олексіївна

Стаття присвячена аналізу феномену псевдонімії з погляду обумовленості цього феномена естетичними причинами. З цією метою зроблений огляд того періоду історії російської літератури, коли актуальність даного феномену не викликала сумнівів. Явище псевдонімії досліджується у зв'язку з іншим значущим феноменом літературної практики.

Ключові слова: псевдонім, підставне авторство, авторство, повість, літературний канон.

ПСЕВДОНИМИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СЕМИОЗИСА: К ПРОБЛЕМЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Швец Галина Алексеевна

Статья посвящена анализу феномена псевдонимии с точки зрения обусловленности этого феномена эстетическими причинами. С этой целью предпринят обзор того периода истории русской литературы, когда актуальность данного феномена не вызывала сомнений. Явление псевдонимии исследуется в связи с другим значимым феноменом литературной практики: подставным авторством.

Ключевые слова: псевдоним, подставное авторство, авторство, повесть, литературный канон.

PSEUDONYMYIA IN CONTEXT OF AESTHETIC SEMYOZYS: TO PROBLEM OF «LITERARY OWN»

Shvets Galina Oleksiyvna

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of pseudonyms from the point of view of its aesthetic causation. This analysis is undertaken on the material of a period in Russian literary history when pseudonyms were particularly widespread. The article establishes and substantiates the connection between the phenomenon of pseudonyms and another prominent feature of literary practice: mock authorship.

Key words: pseudonym, mock authorship, novella, authorship, literary canon.